

Николай Семенович Лесков

Модный враг церкви

Николай Семенович Лесков
МОДНЫЙ ВРАГ ЦЕРКВИ
Общественная заметка
(Спиритизм под взглядом
наших духовных писателей)

В последнее время наша духовная литература перестала считаться с современным материализмом и обращает свое внимание на нового врага церкви, борьба с которым для нее, кажется, и неминуема, и неотразима. Мы говорим о спиритизме, который овладел уже целыми миллионами людей в Старом и Новом Свете и что ни день — делает все новые и новые успехи, как за границею, так и у нас в России.

Мы уже не раз указывали на этого модного врага церкви и в беглых заметках время от времени напоминали, что враг этот в одно и то же время и множится, и растет, и вызывает наших духовных деятелей на серьезную с ним перебранку. Наши упоминания и заметки, однако, едва ли были так счастливы и удачны, чтобы остановить на себе внимание наших пастырей и ученых. Наши богословы и проповедники до сих пор не полагали особенных усилий оспаривать у этого нового учения его слишком быстрые и неблагоприятные для церкви успехи [Не отнимая достоинства у некоторых статей, напечатанных в наших духовных журналах о спиритизме и о спиритах,

а также у двух брошюр, изданных по этому предмету, мы не можем не посоветовать, что ни в одном из этих сочинений нет сколько-нибудь веских ударов, направленных прямо против существеннейшей и важнейшей стороны спиритизма, против его философской доктрины, — «против спиритизма как против явления философско-религиозно-нравственно-практического». Этого осязаемого недостатка не восполнили и интересные статьи г. М. Лебедева «Спиритизм и спириты», напечатанные в журнале С. Петербургской духовной академии («Христианское чтение» за 1866 год). Несмотря на то, что в этих статьях спиритизм получил едва ли не самое полное определение и по началу этих статей в них можно было ожидать подробной критики всесторонних отношений «новой религии», но надежда эта несколько не оправдалась: критика почтенного автора опять и здесь наивысшую свою силу проявила в разгроме той «странно-суеверной стороны в спиритизме, — собственно спиритской формы, спиритского характера, которые (по упованиям г. Лебедева) со временем пройдут, а содержание

спиритизма, большая сторона его доктрины, его отношения к религии и собственно к христианству и относящиеся до этого воззрения его и стремления могут остаться и жить не под именем спиритизма и без отношения к духам»].

В обществе люди, не равнодушные к делам церкви, наблюдая такую немножко как будто сибаритскую неторопливость тех, кому в данном случае и при нынешних обстоятельствах не следовало бы особенно медлить, полагают, что или духовные врачи наши находят себя неискусными во врачевстве этого модного недуга, или же, что они ждут, чтобы болезнь более выяснилась, и тогда сразу могучим словом своим вырвут ее совсем, со всеми корнями. Другая дума, внушаемая этим необъяснимым выжиданием, такова, что духовный диагноз, вероятно, дает совсем не те показания, какие получают светские люди, приглядывающиеся к довольно быстрому и почти повсеместному распространению у нас спиритизма.

Полученная нами на сих днях апрельская книжка «Трудов Киевской духовной акаде-

мии» показывает, однако, что если не все три вышеприведенные предположения, то по крайней мере два последние из них не имеют места. Духовенство наше, конечно, знает, что спиритизм, распространяющийся в очень многих странах света, делает успехи и в России, и оно отнюдь не считает выжидательный метод в борьбе с спиритизмом за меру наипристойнейшую и наилучшую.

* * *

Вышеупомянутый духовный журнал, взгляд которого на спиритизм далеко не столь ясен и совершенен, как взгляд автора статей о спиритизме, напечатанных в журнале Петербургской академии, тоже, однако, говорит, что «из всех болезненных проявлений современной жизни ни одно не имеет такой силы и такого широкого развития в обществе, как спиритизм». В самом деле: в Америке спиритизм почти охватил весь общественный организм. Вычисляя произведенные им до сих пор беды, духовный журнал обвиняет спиритизм в том, что он уже «разрушил сотни церквей и изменил сотни тысяч людей. Бесчисленное множество лиц, за несколько

лет перед сим признававших христианство в какой-либо форме и бывших членами религиозных обществ, оставило свою веру, хотя, с другой стороны, многие, прежде не веровавшие в загробную жизнь, теперь полагают, что спиритизм представляет неоспоримые доказательства этой веры».

Таким образом, получая от самих духовных писателей новое подтверждение повсеместной молвы о больших успехах спиритизма, мы узнаем также, что это новое, враждебное церкви учение забирает себе адептов отовсюда, с самых противоположных сторон, — от верующих и от неверовавших, из духовных стад церкви и от материалистов, «прежде не веровавших в загробную жизнь, а теперь полагающих, что спиритизм представляет неоспоримые доказательства этой веры».

Положение, в которое это новое учение ставит современных церковных проповедников, несколько необыкновенное: еще не опочившие от препирательств и браней с материалистами, отвергавшими душу и духовную жизнь, они теперь призываются ударить на

нового врага, который исповедует и распространяет беззаветную веру в душу и в загробную жизнь, но строит эту веру свою на иных началах и основаниях, которых не может принять церковь, утвержденная вселенскими соборами. Этот неожиданный новый враг и его неожиданные вылазки и подходы заставляют проповедников производить наскоро некоторую переборку в их духовном арсенале и, по-видимому, несколько затрудняет их и заставляет хвататься в поспешности не за особенно сильные и пригодные орудия. Материалистов современные духовные писатели и проповедники называли неучами, неистовыми и суемудрцами, — спиритов они называют «сумасшедшими».

«Ни один серьезный наблюдатель, — говорят в „Трудах Киев<ской> духов<ной> академии“, — после даже непродолжительных сношений с спиритами, не мог не заметить в них признаков умопомешательства».

Спиритизм для церкви, конечно, гораздо вреднее всякого материализма: мы уже однажды высказали эту мысль и очень рады, что находим ей еще раз снова подтверждение в

журнале, который в вопросах подобного рода должно считать компетентным.

Спиритизм опасен для церкви более материализма потому, что жесткое материалистическое учение имеет в себе много безрадостного и отталкивающего для мягких и впечатлительных натур, между тем как обнадеживающее и утешающее учение спиритов ласкает и влечет к себе всех скорбящих и сетующих. Материализм ломает и вывертывает вон из корня заветы веры и преданий, в которых человек вырос и сжился с ними, а спиритизм ничего не рушит и «в гостиное время советует уважать обряды той гостиной, в которой живем мы в телесных одеждах». Тот несет меч — этот мир, или у того меч наголо, а у этого под полою и в ножнах... Материализм, особенно наш русский материализм, убил сам себя необыкновенно скоро, — он опошил себя своим грубым фанфаронством и ввел себя в всеобщую остылицу своею сильною дерзостью, — спиритизм идет кошачьею лапкою; бархатная поступь его неспешна и осторожна; слово его не нахально и ненавязчиво; уста его скупы на осуждение и неумыт-

ны в оправданиях. Гражданская честность оберегается спиритами с тщательностью, достойною подражания.

Тот духовный журнал, который мы ныне цитуем, столь осторожен, что он, как и все наши лучшие духовные журналы, вовсе не решается осуждать спиритов. «О влиянии спиритизма на нравственность, — говорит он, — судят различно. Воздействия из мира духов и твердая уверенность в бессмертии души, по свидетельству некоторых, служат к улучшению нравственности и к искоренению пороков грубой чувственности, пьянства и т. п.».

Нравы спиритов во многом напоминают нравы наших духовных христиан, или молокан, с которыми у спиритов есть и еще нечто общее в самом их мировоззрении и отношении к Богу.

В нравственном отношении спириты также не дают много поводов к покаянию, и духовные журналы справедливо не осуждают их и с этой стороны. Журнал Киевской духовной академии только находит, что все нравственные совершенства спиритов, «стоя под влиянием ненормального начала, не могут

быть правильны», о чем, разумеется, полагаясь на суд Киевской духовной академии, нельзя не пожалеть.

Ко всему этому добавим, что в распространении спиритизма и материализма усматривается еще та разница, что поток материалистического учения увлекал преимущественно пролетариев и молодежь, между тем как спиритизм давно числит в своих рядах людей, которых положение не может идти ни в какое сравнение с положением пролетариев. Спиритизм берет в свои ряды людей весьма серьезных и значащих в свете и его иерархии.

Поинтересуемся же, как глядит сегодня наше духовенство на спиритизм, что оно знает из его новой истории, как оно понимает это учение и как способно к нему относиться?

* * *

Журнал Киевской духовной академии в своей последней книжке рассуждает о спиритизме так:

«Если мормонизм можно назвать собственно новоамериканским иудейством, вырождением нового английского пуританизма, с

основными чертами современного материализма, если в мормонстве под покровом первоначального христианства коммунистический принцип настоящего времени выявляется в решительной свободе человеческой плоти, то спиритизм можно назвать новым язычеством и шаманством. Это не столько секта, сколько новый способ мышления, который по своему началу соприкасается с квакерством и его учением о внутреннем свете, давшем начало более древней секте шекеров. Соприкасаясь с одной стороны с новым культом духа и гения и с другой с демоническим стремлением к гаданию, спиритизм есть собственно новейшая религия, новейшее воплощение современного неверия в форме древнейшего суеверия народов Ост-Индии» [«Спиритизм вовсе не фокусничество, тем более не шарлатанство. Представление каких-нибудь загадочных движений, превращений, звуков и подобных оптических и акустических явлений, под именем проявления духов, касается разве только окраин спиритизма, но то как не входит в существо его» («Христианское чтение», июль месяц 1866 г., стр. 25). «Фено-

мены могут вовсе не быть» (Le Livre des mediums, part 1-ère, chap. III-ème [Книга медиумов, часть 1-я, гл. III — Франц.], § 31). «Недостаточно было бы представлять спиритизм только как суеверие относительно проявления духов. Это только одна сторона дела. Спиритизм, по притязанию, явление серьезное, имеющее предметом своим мир религиозный и нравственный, настоящее, прошедшее и будущее человека, так нужно и смотреть на него, чтобы вернее изобличать его» («Хр. чт.» 1866 г., июль, стр. 25)].

В подтверждение такого своего воззрения на спиритизм, академический духовный журнал приводит рассказ известного Диксона, в котором ученый путешественник в следующем рассказе характеризует спиритизм:

«В августе 1866 г. в Провидансе, главном городе штата Род-Исланд, была большая национальная конференция спиритистов. Представители — больше половины из женщин — были присланы от восемнадцати штатов и территорий. Спокойные зрители были поражены равно „диким и разумным“ выражением этих новых „свидетелей истины“. Глаза их

отличались неестественным блеском, лица — ненатуральной бледностью. Многие из них совершали возложение рук. Почти все мужчины носили длинные волосы, почти все женщины были коротко обстрижены. Собравшиеся здесь спиритские ораторы посылали приветствия умершим так, как бы те находились между ними налицо, и общество встречало это громкими аплодисментами.

Пожилой проповедник Иоанн Пирпоан из Вашингтона уступил свое президентское место другому и начал: „Я более не верую во многие члены веры, принимаемые большинством христиан, даже протестантами“. Вместо того, чтобы основывать свою веру на символах и Св. Писании, — как заявил он далее, — он основывает ее на прогрессе, свободе и духах. — Через десять дней этот старик умер. Едва прошло несколько дней после его погребения, как одна г-жа К., медиум в Бостоне, которая пишет откровения духов для целой половины американской публики, известила, что „его душа опять получена в ее визитной комнате“. Там она проявляет свое присутствие: она сама ее видит, другие ощущают,

многие слышат. В присутствии двух достоверных свидетелей она впала в состояние спиритического исступления, во время которого душа Пирпоана перешла на нее (точь-в-точь так же, как мать Анна Ли учила о сообщении со Христом) и ее устами возвестила о горнем мире, в который вознесен Пирпоан. Последовал позыв говорить, и послышались следующие бессмертные изречения: „Блаженны, трижды блаженны те, которые умирают с познанием истины. Братья и сестры! Проблема теперь для меня решена. Так как я живу, то и вы будете жить, потому что тот же божественный отец и та же мать, даровавшие душе бессмертие, дали этот дар всем“. Учение о мужеском и женском начале в Боге принимается и спиритистами, так же как шекерами и древними гностиками, и отсюда в обществах спиритистов признается полное равенство и равноправность обоих полов. Впрочем, дух счел нужным заметить, что эти отрывочные откровения его смертным друзьям могут показаться недостаточными при их стремлении к разъяснению тайн мира невидимого. Причину этого он указал в невозможности

для свидетелей воспринять все тайны этого мира. — „Я сожалею, что не могу вам изобразить неизъяснимое величие видения, которое я видел, прежде чем вступил в мир духов. Слава и величие этой жизни неизобразимы, язык совершенно неспособен к этому“. Все это несколько раз слышали и знали и прежде [Правда, что это известно очень давно, но это же самое говорил и Христос „Много еще имам глаголати вам, но не можете носить ныне“. Спириты крепко держатся за эти слова, и их не конфузит то, что „все это несколько раз уже слышали и знали и прежде“. — Ред.]

Новый президент был выбран на этой конференции на один год, и в вице-президенты между прочим выбраны были три дамы. Один из вице-президентов заявил, что в общество спиритистов вступило уже более трех миллионов американцев обоего пола. Таким огромным числом действительных членов едва ли может похвалиться какая-нибудь другая религиозная секта северо-американских штатов, даже методистская». — Это показание едва ли преувеличено, замечают «Труды Киевской духовной академии», к обществу спи-

ритистов принадлежит много значительных людей — знаменитых адвокатов, талантливых писателей [У нас есть три очень видные писателя (из них один занял почти первое место между даровитейшими русскими романистами), которые по воле или мимо воли, беспрестанно высказывают спиритские верования и смотрят на жизнь и человеческое призвание как правовернейшие спириты. Вослед их идут некоторые другие писатели меньшего значения и младшего века. — Ред.], военных, учителей, судей, врачей, людей всех званий и особенно образованных классов. Но в числе спиритистов есть и значительная доля обманщиков и мошенников, которые ищут только поживы на этом пути. Новая религия, с своими чарами и откровениями из мира духов, для многих послужила выгодным источником доходов. Представители спиритизма хвалятся также, что спиритизм уже оказывает значительное влияние на общественное мнение, решительно определяя не только щекотливые вопросы домашней и социальной жизни, но и вопросы политические, как вопрос о войне и мире. Все эти миллионы спи-

ритистов единодушно сходятся в одном, — что прежние религиозные средства истощены, что религиозные общества и церкви, основанные на прежних началах, теперь уже бессильны и мертвы, что человечество нуждается в новых откровениях. Система спиритистов имеет свои школы и лицеи, свои катехизисы, свои журналы и газеты, свое воскресное богослужение, свои праздники и пикники, свою организацию по местным округам, свои конференции по штатам и генеральные конференции, полный механизм организованного и дозволенного общества. Она имеет (еще по давним известиям) около пятисот публичных медиумов — ясновидящих и духовидцев обоего пола, — и, может быть, более пятидесяти тысяч тайных или частных медиумов. Около пятисот публичных ораторов читают лекции о спиритизме и пишут или распространяют спиритистские книги и газеты. По свидетельству Диксона, по крайней мере десятая часть населения Новой Англии и пятнадцатая часть жителей Нью-Йорка, Пенсильвании и Огайо более или менее стоят под влиянием спиритизма.

«Новая и действительно ужасающая сторона в спиритизме, — рассуждает духовный журнал, — это уклонение от небесной истины христианства в туманную область самого дикого суеверия, уклонение преимущественно в рядах высокообразованных классов общества по ту и по сию сторону Атлантического океана [Редакция почтенного журнала ошибается, предполагая, что по сию сторону Атлантического океана в „туманную область“ уклоняются преимущественно одни высшие классы. Много ли или немного спиритов в России, мы не считали и не знаем, но уверены, что хотя их и много, но во всяком случае их гораздо менее хлыстов, скопцов, лазаревцев и вообще „людей Божиих“ и всех последователей созерцательных сект, выходящих прямо из русского народа и уносящихся в ту же „туманную область“, в которую стремятся спириты. — Ред.], уклонение с чисто новейшим самообольщением, имеющее целью вызвать откровение и дать миру новые средства спасения путем обновления доисторического язычества. Евангелие, апостолов и пророков спиритуалисты трактуют как религию низшую, внеш-

нию и плотскую (по выражению „Христ. чт.“, как религию приговорительную), тогда как спиритизм, „освобожденный от чувства плоти, хочет держаться в области невидимого“, в мнимом духовном „служении ангелов“ и сношениях с миром духов, как все это (прибавляют спиритисты) познал и всему этому научил уже Апостол языков (Кол. 2)». Журнал Петербургской академии (*ibid* [Там же — Лат.], с. 34, 35) говорит, что «цель и задача спиритизма просветить людей новым откровением, научить их неведанной истине, побороть зло в людях и возродить их к добру: морализовать человечество, произвести великую нравственную революцию в нем и вторично искупить (курсив подлинника) человеческий род от обладания злого духа (понимаемого, конечно, в несобственном смысле)». Киевская же духовная академия как бы не предусматривает этой цели и этих задач в спиритизме и ведется все более с феноменальной, или формальной стороны спиритизма и его заблуждений. Фундаментальной основой всех этих заблуждений, по мнению Киевской духовной академии, служит стремление к легкому и

удобному обоготворению человечества и человеческого духа, «желание быть равным Богу при посредстве чистого знания, без христианского возрождения. При распадении христианства на секты ни одна из них не представляется способною удовлетворить этим религиозным потребностям, и вот является легкий и удобный способ достигнуть, по-видимому, высшей цели религии — живого сообщения с миром духовным и высшей мудрости. Нравственный кризис нашего времени, столь глубокий и всеобщий, подобного которому не знала история с самого начала христианства, подорвавший все основы нравственности и обнаруживающийся в крайностях, каких достигли все стороны интеллектуальной жизни, этот нравственный кризис объясняет все прочее в этой системе. Мы живем в век нерелигиозный по преимуществу, в век духовного пресыщения; но наше время для многих, более глубоких, умов — вместе и время духовного голода, религиозной жажды, требующей удовлетворения. С нашей стороны нужно глубокое и деятельное сочувствие к удовлетворению этой религиозной потребности и к про-

тивоедействию подобным заблуждениям, охватывающим целые народные массы. Понять спиритизм глубже, чем как обыкновенно понимают его, выразуметь его с Свящ. Писанием в руках, с историею и психологиєю, — это одна из первых задач, в выполнении которой христианин не должен отставать от всеотрицающего и прямо материалистического исследователя».

Вот что думает о спиритизме журнал, мнением которого мы имели основание дорожить и вот что он против этого «феномена» рекомендует!

Последуем за воззрениями «Трудов Киев. дух. академии» далее.

* * *

Какой тон принят спиритистами против христианства всех исповеданий и против нравственных начал всех христианских народов — это слишком ясно высказалось в официальных сообщениях на конференции. Одна юная преобразовательница сказала, что она с своей стороны более не строила бы никаких церквей, так как они уже слишком долго гнели и морочили человечество. Г-н Ф. благода-

рил Бога, что наш век — век не молитвы, а исследования. Д-р К. хвалился, что спиритизм перекинул мосты чрез все пропасти, даже чрез пропасть между лоном Авраама и адом богача. «Нужно назначить премию, — заявил он же, — за всякий удар, направленный против системы, основанной на законах, которые хотят рукою человека наказывать неправду человека». Г-н П. заявил: «Как спиритуалист, я должен прежде всего вразумить, что не должно ничего признавать священным, и я протестую против всякой резолюции, в которой будет употреблено слово „священный“». Г-н Ф. сказал: «старая религия вымерла. Мы — представители новой религии, которая возникла из объединения всех типов природы человеческой, какие только обнимает космополитическая география, и печать которой изготовлена в мастерской божественного провидения». На конференции, между прочим, принята была следующая резолюция: «определяем, что права работы соответствуют ее характеру и ее важности, что только рабочая рука несет верховный скипетр цивилизации и что поэтому плата за рабочий труд

должна быть возвышена, чтобы миллионам рабочих дать богатые средства, время и возможность к воспитанию, образованию, облагораживанию и удовольствиям».

Поставляя все это на вид обществу и духовенству, среди которого почтенное издание Киевской духовной академии, всеконечно, должно иметь свое значение, журнал этот пишет, что спиритизм, проникший около двадцати лет тому назад в Россию, находит в нашем русском обществе все больше и больше сочувствия. Опираясь на свидетельство одной из московских газет, духовный журнал не скрывает, что «умы петербургского, преимущественно светского общества в настоящее время, помимо насущных вопросов дня, заняты спиритизмом. Рассказы (недавно умершего) Аллана Кардека в виде отдельных книжек и ежемесячных изданий тысячами раскупаются у всех здешних книгопродавцев. Петербуржцы съезжаются на представления спиритизма, верят в медиумов и в их способность вызывать духов, и целая секта организуется в нашем образованном обществе. Люди толпами переходят в спиритизм! Случа-

лось, что в двух-трех салонах одновременно (по случайному совпадению) вызывали дух Иоанна Грозного, и покорный дух являлся разом в двух или трех местах, заявляя о своем существовании стуком стола или пустою болтовнёю медиума. И что же? Добрые собеседники искренно верили этому присутствию, хотя не трудно было бы сообразить, что медиуму, мало-мальски знакомому с русскою историею, ничего не значит описать наружность Грозного, и хотя одновременное появление одного и того же духа в разных местах противоречит самому учению спиритизма».

Все несомненные нелепости, выделяемые шарлатанами спиритизма, вся пошлая, скучная и банальная болтовня медиумов, словом, — весь вздор, сочиненный и сочиняемый ими, не останавливают успехов этого учения. Заявленный факт, что «люди толпами переходят в спиритизм», существует, и опровергать его, по меньшей мере, бесполезно. Политика страуса, закрывающего глаза от врага, — политика небезопасная. Силу врага и тактику его нужно знать, чтобы бороться с ним.

Можем ли мы, познакомясь нынче со взглядом, какой наше духовенство имеет на спиритизм, успокоиться, что силы этого враждебного господствующей христианской церкви учения известны нашему духовенству вполне и что это духовенство готово дать солидный отпор модному и небессильному врагу Христовой церкви?

К сожалению, у нас нет никаких оснований, позволяющих отвечать на этот вопрос утвердительно. В одном духовном журнале (в журнале, издаваемом при Петербургской духовной академии) мы, правда, встречаем верное понимание спиритизма и сильный на него замах, но замах этот не раздражает, однако, доселе ничего из того, что сам упомянутый журнал признавал наисущественнейшим в спиритском толке. Другие же духовные писатели едва ли кто-нибудь сделал больше этого. Напротив, мы имеем причины полагать, что многие другие из духовенства даже очень мало постигают своего нового тонкого недруга и не придумывают против него ничего, кроме старых средств, давно изведенных и давно оказавшихся совершенно

бездейственными в делах веры.

Вот эти причины, из которых мы позволили себе вывести наши последние заключения.

* * *

Журнал, издаваемый Киевскою духовною академиею, желая обличить несостоятельность спиритизма, приводит говорящие в ущерб репутации этого учения примеры шарлатанства одних и пошлости других медиумов. Духовный автор сближает спиритизм с верчением шкафов и столов, и таким сопоставлением на одну ногу с очевидно нелепостию как бы надеется опрофанировать спиритизм во мнении людей, до которых дойдет слух о спиритизме, снабженный такими издевками. Но почтенный автор, черпающий свои сведения о спиритизме из книги Диксона, по-видимому, чужд знакомства с опаснейшим для церкви культом спиритизма, культом, к которому принадлежит большинство наших русских спиритов. Здесь американские и европейские шарлатанства спиритских медиумов не только не усиливаются извинять и оправдывать, но, напротив, строго осуждают их и имеют их отреченными. Наши

спириты, не отвергая связи живых людей с духами умерших, однако, вовсе не считают медиумизм необходимою принадлежностью спиритизма.

«Несомненно, — говорят наши спириты, — что духи отошедших от земной жизни людей не прерывают своих отношений с миром духов, воплощенных в человеческих телах, — на это есть указания и свидетельства в книгах Ветхого и Нового Заветов. А если явления их возможны были назад тому тысячу лет, то почему же такие явления невозможны позже?»

Но современные русские спириты думают, что вызовом духов медиумы действительно шарлатанят и что есть бездна людей, объявляющих себя медиумами, а на самом деле вовсе не имеющих медиумических способностей.

Честный спирит, говорят они, вовсе не должен прибегать к вызовам. Воздух переполнен страстями неверия, и душевный телеграф не может действовать хорошо, как не может электрический телеграф действовать во время скопления электричества и гроз.

В наше время есть спиритские кружки (и таких уже немало в Петербурге), где телеграфия с миром переселившихся с земли духов совершенно оставлена, «потому что воздух не чист, а аппараты слишком несовершенны». В таких спиритских кружках все дело заключается в укреплении в среде своих членов и в пропаганде на сторону спиритских воззрений на жизнь и особых, свойственных этому учению отношений к Богу, «благому Отцу, у Него же обители многи суть, и перед Которым несть ни раб, ни свободь, но всяческая — и во всех Он».

Здесь, конечно, не место распространяться о том, в чем именно заключаются верования и учение этих нетелеграфирующих или, как они себя называют, «философствующих» спиритов, но ясно, что они довольно далеко ушли от спиритов медиумствующих, или «опытных», которые дали так много данных порицать спиритские верования.

Все шарлатанства медиумствующих, известные и неизвестные миру, нимало не смущают спиритов, не входящих в непосредственные сношения с загробным миром.

«Все это доказывает одно только, — говорят они, — что духи, посылаемые на землю для самосовершенствования в назначении человека, суть духи весьма несовершенные. Они ничего высокого не могут понять, а если и поймут, то не могут и усвоить, и соблюсти. Что может быть для этого времени возвышеннее учения, принесенного на землю Духом Истины (Иисусом Христом), но не им ли, не этим ли высоким учением более, чем всяким другим, шарлатанствовали и шарлатанствуют крестившиеся во имя Его? Индульгенции, костры инквизиции, религиозные гонения и пытки, поддельные чудеса, продажа благодати, разращение иезуитами женщин ради небесных велений и множество других примеров в подобном роде не оставляют никакого места для удивления, что шарлатанствуют спиритизмом. Шарлатанствовать можно всем, как и профанировать можно все на свете; но существо того, что подвергается уничтожению от профанаторов, или шарлатанов, нимало не пачкается и не страждет. Задача жизни, разрешенная Христом, остается при Его наисовершеннейшем решении идеалом

для человечества и нимало не пострадала от того, какую нечистотою метали и мещут в него евреи, мохамедане и язычники».

Между петербургскими спиритами не так давно распространилось известие, что их единоверцы во Франции, в одном из заседаний, в присутствии недавно умершего вождя их, доктора Аллана Кардека, удостоились получить «общение», подписанное «Дух Истины» (что, как мы выше сказали, составляет у спиритов синоним имени Христа Спасителя). Дух Истины не был так многоглаголив, как большинство духов, сообщающихся с земным миром через болтливых спиритских медиумов.

«Что делают на земле с Моим Именем, что делают они с Моим словом!» — воскликнул, будто бы оскорбленный непониманием Его, «Дух Истины» и, умолкнув, более не дал ни гласа, ни послушания.

Широковещательные беседы медиумов дают большой простор небезосновательным насмешкам над «опытными» спиритами. Сообщая о смерти Аллана Кардека и приведя его многословие в непростительно скучном роде, мы рассказали известный между петербург-

скими спиритами анекдот, как дух отшедшего супруга присоветывал оставшейся на земле капризной жене своей «не есть досыта и работать до пота». Дух Грозного тоже вещал нечто очень нескладное, а вызванный дух Белинского через женщину-медиума на закрытый вопрос нагородил невероятного вздора в вкусе Манилова, и примеров такой болтовни бездна повсюду, где есть медиумы и спиритские экзерциции. Нынешнею же зимою в другом спиритском кружке долго и бесполезно вызывали дух одного из людей, немалое время правивших большим государством. Медиумы выбились из сил: дух оказывался гораздо упорнее духа Иоанна Грозного и не давал никаких общений. Наконец, у одной досужей дамы рука задвигалась и начала выводить телеграмму от вызываемого духа могущественного смертного.

— Кто смеет меня беспокоить? — прежде всего спросил сердитый дух.

Ему ответили имя и фамилию лица, желавшего вступить с ним в собеседование.

— Какой у него чин? — запытал дух новою телеграммою.

— Генерал-лейтенант, — ответил медиум.
Дух успокоился и сказал: «хорошо».

Когда таким предварительным опросом выяснилось, что линия свободна и аппарат готов телеграфировать, медиум, как водится, предложил генералу объясняться с духом посредством «закрытых вопросов», которых, однако, не должно быть более двух или трех.

Это обыкновенно делается таким образом: желающий спросить духа пишет свой вопрос собственной рукою на клочке бумажки и или оставляет эту бумажку закрытою у себя под рукою, или же передает ее на руки одному из присутствующих, а медиум отвечает на вопрос, не зная его содержания.

Это считается уже непогрешимым свидетельством, что телеграмма идет из иной обители, а не сочинена медиумом.

Так было и в том случае, о котором здесь рассказывается. Генерал написал духу: «Что ты думаешь о нынешнем состоянии военных сил?» Вопрос был спрятан; медиум не знал его и отвечал от лица духа:

— Я плачу.

— О чем? — спросил второй раз генерал.

— Что за птицы без хвостов? — отвечал дух. — Они взлетят, но им нечем будет управить своего полета, и ветер снесет их.

Ответы эти по сличению их с вопросами генерала были всеми признаны как нельзя более соответственными и мудрыми, и все наличные спириты остались этими ответами бесконечно довольны.

Таких неловкостей в большинстве сообщающихся с духами спиритских кружков несть конца, и спириты, зная это, ревниво скрывают свои «общения» и не допускают на свои собрания людей, в искренней преданности которых спиритизму они не уверены. «Духи капризны, — говорят спириты, — и, если есть среди нас неверующие, они безмолствуют».

Но про всех последователей этого фокусного спиритизма, имеющего, как справедливо заметил журнал Киевской духов. академии, прямое родство с стологаданием (*les tables tournantes* [Вертящиеся (вращающиеся) столы — Франц.]), нечего, нам кажется, и говорить. Хотя к этому спиритизму и «пристают целые толпы», в которых есть люди и хорошо поставленные и просвещенные, но век этого

родственного стологаданию спиритизма, без сомнения, все-таки есть век быстротечный — в чем нам очень приятно согласиться с мнением журнала Петербургской духовной академии. Нет нужды, что век этот начался ранее минувшего краткого века нигилизма; пережить эфемерид не значит еще дать ручательство в своей долговечности. Верование в порчу, в насылку бесов и в существование русалок и домовых уже, конечно, было распространено гораздо более, чем стологадательный спиритизм и держалось у всех народов целые ряды столетий, но все-таки не удержалось против света науки и пало. Не иное что ждет, разумеется, и этот стологадательный, или, как спириты его называют, опытный спиритизм, и просвещеннейшие из спиритов недаром его чуждаются и отрицают. Церкви и ее слугам даже едва ли и вовсе довлеет считаться с этим врагом, который, как всякое суеверие, носит сам в себе все зачатки падения и ни одной здоровой души человеческой уловить не в состоянии.

Это тот спиритизм, о котором по преимуществу говорит Диксон и который разумеет

журнал Киевской духовной академии. Но есть совсем иной спиритизм, гораздо ближе замеченный другою академиею, спиритизм, составляющий как бы высшую спиритскую школу, на которую у Диксона есть только мимолетные намеки и к которой автор статьи, напечатанной в «Трудах Киевской духовной академии», подходит лишь на самые краткие мгновения и сейчас же отходит с словами, что это новое мышление. Этот спиритизм, по всеобщему мнению основательных и образованных людей, вовсе не то, что *les tables tournantes*, — он «представляет немалую опасность особенно для женщин, а также для многих образованных и серьезных людей нашего времени» («Труды Киевской духовной академии», апрель 1869 г., стр. 186).

Нашею задачею будет слегка познакомить своих читателей с этим спиритизмом, начинающим играть довольно видную роль в петербургском обществе.

—
Обратим теперь хотя самый поверхностный взгляд на другой спиритизм, по безошибочному указанию киевского академического

журнала, небессильный увлекать на опасный путь женщин и образованных и серьезных людей нашего времени.

Этот спиритизм, в отличие его от спиритизма опытного, близкого, как мы сказали, к нелепому стологаданию, современные спириты называют спиритизмом философским.

* * *

Чтобы удобнее продолжать нашу беседу о спиритизме и спиритах, мы должны принять их же спиритское деление спиритизма на опытный и философский.

Что такое опытный спиритизм, мы уже отчасти показали и, не имея ни времени, ни места останавливаться на нем, не будем более возвращаться к его изъяснению. Скажем одно лишь, что это мания странная и жалкая, но едва ли даже хоть сколько-нибудь опасная для Христовой церкви. Спиритские кружки этого сорта своею неразборчивостию в прозелитах, нетребовательностию и снисхождением ко всем слабостям человеческим, лишь бы только этот человек называл себя спиритом и говорил, что он верит по-спиритски, напоминают, как нельзя более, недавние еще ниги-

листические кружки, где от прозелитов тоже не добивались ни искренности убеждений, ни доказательств силы, чтобы следовать этим убеждениям. Как там просто довольствовались тем, что человек, надев на себя соответственную моде святошную харю, начинал откликаться на известную кличку и уверял кстати и некстати, что он не верит в Бога, отвергает брак и не почитает родителей, так и здесь пришел человек, взял карандаш и сказал: «У меня пишет, и я теперь верю, что пишет», и дело кончено. В лицедее этом признается высшая интенсивность, и он объявляется «склоняющимся к началам спиритизма». Клерком новый приемыш остается не долго, и скоро сам начинает адвокатствовать за спиритизм; — с этих пор он уже матерый спирит. Таких спиритов бездна везде, и особенно в Москве, Петербурге, Таганроге, Керчи, Воронеже и Одессе [В Воронеже рассказывали о каком-то замечательном медиуме, — жене священника, которая, вовсе не зная немецкого языка, писала будто бы какому-то немцу ответы по-немецки. Сказание это у петербургских спиритов считается достоверным. На юге же

где-то, кажется, пребывает нынче и известный спирит Болтин, который отстаивал спиритизм в русской печати и о котором не раз упоминается в журнале С.-Петербургской духовной академии]. Но, впрочем, много их повсюду, и повсюду они представляют тот же гнилой, рыхлый, ленивый, мечтательный и бесстрастно увлекающийся тип ледащего человека, которого каким флагом ни покрывай, флаг тот ему не возвратит ни смелости, ни чести, и под каким именем этого ледащего человека ни показывай, он все будет хлам, коптящий небо и бременящий землю. Такой нигилист, спирит и богомолец достойны совершенно одинаковых к ним отношений, и однокачественность их вполне доказывается тем, что поскоблите немножко такого спирита — и вы увидите в нем ярого нигилиста, умойте и допросите такого нигилиста — и вы найдете в нем ледащенького спирита, верующего, что достаточно рассуждать о необходимости самосовершенствования — и тем уже совершенствуешься. Какими бы знаменами все эти люди ни покрывались и на какие бы клички ни откликались они, — это все равно мерт-

вые, которым жизнь оставляет лишь «погребать своих мертвецов».

* * *

«Философский спиритизм» держит себя совсем иначе. Это, как сказано в журнале Киевской духовной академии, новое мышление, до сих пор даже и не стремящееся быть не чем иным, как мышлением. Но, тем не менее, новое мышление, которое распространяет философский спиритизм, не только не благоприятно для церкви, но идет против нее, враждебно ей и имеет свою прямую задачу разрушить содержимую христианскою церковью «старую религию» или «церковное христианство», а вместо него поставить не nihil [Ничто — Лат.], не клеточку, не материю, а совершенствование духа в преуспевании на пути предоставленных человеческому естеству добродетелей: добра, милосердия, справедливости, самообладания и мира.

По первому взгляду на тенденции философствующих спиритов их, пожалуй, с общей точки зрения не найдется в чем и осудить. Как дейсты и люди, проповедующие в своих стремлениях идеал усовершенствования че-

ловеческого духа, они, по-видимому, не могут быть и сравниваемы с представителями того недавнего русского материализма, который стремился разрешить безусловно все задачи бытия микроскопом и скальпелем.

Современные духовные писатели и не сравнивают этих двух школ: они признают ласковый и требующий, по-видимому, маленьких уступок философский спиритуалистический толк без всякого сравнения вреднейшим для христианской церкви, чем самый крайний материализм (как удержанный на соответственной высоте ученого мирозерцания, так и низверженный до низменных степеней невежества, создавшего из него русский нигилизм).

* * *

Вред учений того духа, к которому надлежит отнести так называемый спиритами философский спиритизм, полно, коротко и ясно изложен автором книги «Иезуиты в России» священником Михаилом Морошкиным. Составляя обыкновенно обзор иностранной богословской литературы для журнала «Православного обозрения», М. Я. Морошкин в одной

из прошлогодних книжек этого журнала, с замечательною ясностию, свойственною этому писателю, показал, что учения, вымогающие у церкви небольших уступок в воззрении на Сына Марии, гораздо вреднее с первого же взгляда несостоятельных учений крайнего материализма. Относясь довольно почтительно, — а иногда даже и очень почтительно, — к нравственным идеалам христианства, но нанося удары божеству Сына Марии и критически сравнивая его то с Конфуцием, то с Зороастром, то с Сократом, то с Санкиа-Муни и Мохамедом, все эти учения стремятся к так называемой независимой нравственности и имеют гораздо больше общего с решениями, принимаемыми Сабатье, Франком и Контом, чем с учением Христа, прямо относившегося к тайнам человеческой души.

Философский спиритизм, получающий в нынешнее время особенно успешное распространение, строит совершенствование духа тоже на независимой нравственности, так как спиритский Христос тоже не более, как Сын Марии, приходивший в виде лишь относительно совершенном, но отнюдь не совер-

шеннейшем, в котором «он еще придет по Своему обетованию», усовершенствовавшись в других обителях отца. (То есть усовершенствованный многовековым пребыванием в иных обителях, Дух Истины, бывший в Сыне Марии, придет будто бы и вселится в единого из нас, который и будет совершеннее Сына Марии.) Философский спиритизм не оскорбляет и не отталкивает от себя ни жестоких людей, ни людей самых мягкосердных и нравственных; напротив, он с бесконечною терпеливостью сносит первых и, как бы некий целительный елей, увлажяет острупелые раны, нанесенные последним от оскорблявшего нежнейшие человеческие чувства материализма. Но в то же время он тихо, без всякого шума, отторгает людей от церкви и путем независимой нравственности указывает им задачу совершать больше того, что совершал Христос (что, по их толкованию евангелия, будто бы указано человечеству и самим «обоготворяемым сыном Марии»).

Итак, философский спиритизм, чуждый всех шарлатанств спиритизма опытного (с которым он, вероятно, скоро вовсе разойдется и

станет им гнушаться), очевидно принадлежит к тем учениям, которые в настоящее время, по выражению священника Морошкина, строят «кризис, угрожающий большими опасностями христианской церкви», а опасности эти, по мнению того же автора, таковы, что ожидаемая, а частью уже происходящая, от них «гибель угрожает не некоторым историческим, священным повествованиям, не некоторым чудесам, не некоторым символам, но самому верованию в невидимую действительность мира нравственного».

Этот нежный, елейный спиритизм, «увлекающий целые толпы», до сих пор остается почти вне всякой дельной полемики со стороны нашего духовенства и, укрепляясь, овладевает симпатиями многих благороднейших и даровитых людей, потеря которых не может быть нечувствительною для церкви.

Что же сделали и что намерены, по-видимому, сделать слуги церкви для борьбы с этим новым, хитроласковым врагом своим?

* * *

Не опасаясь сделать слишком большую ошибку, скажем, что в прошедшем заслуги

церковных писателей против подрывающегося под авторитет церкви спиритизма до крайности бедны. За повторением общих мест и насмешек, к сожалению, не всегда метких, очень редко остроумных и никогда не действительных для тех, кто знаком с задачами спиритизма, литература духовная и церковная проповедь ничем еще не помешали успехам этого учения. Наибольшая из всех заслуг в этом роде едва ли не принадлежит тем же статьям «Христианского чтения», да заметкам о. Морошкина. М. Я. Морошкин по крайней мере растолковал, что учения того рода, к которым относят свое учение философствующие спириты, не могут быть помирены с христианством, но, к сожалению, умные заметки о. Морошкина, напечатанные в духовном журнале, едва ли могли иметь в обществе такое большое распространение, какого можно для них пожелать и какого требовало бы дело. Затем Киевская духовная академия сделала полезный шаг, признав существование в спиритизме нового и опасного врага для церкви. Но, к сожалению, Киевская духовная академия, говоря позже многих о спиритиз-

ме, имела в виду только лишь одну наименее вредную и наиболее несостоятельную часть спиритов, — именно спиритов, называемых «опытными» и близких к слепому «стологаданию».

Однако и о. Морошкин, и Киевская духовная академия, хотя не совсем прямо, но, впрочем, довольно ясно, указывают меры, какими следовало бы начинать класть в России преграду успехам спиритизма и других учений независимой нравственности.

Взгляды на это о. Морошкина и редакции «Трудов Киевской духовной академии» довольно несходны; но оба очень интересны, и один из них даже достоин высокого почтения.

* * *

Киевская духовная академия, изложив свой взгляд на известный ей спиритизм, прямо не рекомендует против него никакой меры; но говорит, что «люди серьезные из самих протестантов предлагают против этого зла, как средство самое лучшее, уничтожение пресловутого американского отделения церкви от государства и ограничение дозволенной

там безусловной свободы совести...»

(Чтый да разумеет.)

Священник Морошкин, говоря о елейных врагах церкви, признающих бытие Божие, но с тем вместе и независимую нравственность, и указывая с этой стороны для церкви такие опасности, перед которыми можно вменить в ничто злые нападки материалистов, выразил иную мысль, которая и гораздо прямее, и гораздо достойнее намекна Киевской духовной академии и, что в данном случае всего важнее, гораздо той мысли действительнее. О. Морошкин того мнения, что церковь требует теперь от своих слуг сугубого внимания к строению тайн Божиих и что время в своем круговороте снова вызывает их даже к подвижничеству. С этим мнением почтенного священника Морошкина очень трудно не согласиться. Врагов у церкви бездна, и последний, хитроласковый и не безнравственный (с точки зрения нехристианской, независимой нравственности) враг ее достоин ныне всего внимания даровитейших ее служителей.

Меры, на которые намекает Киевская духовная академия, — это те самые меры, по-

средством которых наша церковь столь долго и столь малоуспешно боролась при помощи правительства с грубейшими сектами русского церковного раскола. Если все эти меры оказались бессильными против раскола, то что же они могут сделать, будучи употреблены против «нового мышления»? Как стеснением «свободы совести» запретить мыслить по-новому и заставить чтить отметаемую спиритами «старую религию» (то есть церковное христианство)?.. Признаемся, помимо того, что нам удивительно склонение Киевской духовной академии к мерам такого странного и недуховного характера, мы не можем не предвидеть для всех таких мер полного неуспеха. — Хлысты, лазаревцы и другие наши «духовные христиане» избегли и до сих пор очень легко избегают всякого преследования, потому что, по их игнорированию значения всяких религиозных обрядов, они ради спокойствия и ходят в церкви, и жертвуют на храмы, и льют колокола, но при всем этом мыслят иначе, — то как же стеснением совести изнять образованных, благовоспитанных и нравственно развитых спиритов? Киевская

духовная академия, сколько позволяет нам судить одна книжка ее журнала, где помещена статья о спиритах, очевидно имеет весьма неполное знакомство с тем, что происходит в современном спиритизме, и особенно в многочисленных кружках русских спиритов. Академический журнал, «по примеру людей серьезных из протестантов», предусматривает «самые лучшие средства» против спиритов, вертящих для своей забавы столиками и занимающихся другими нелепостями, упуская из вида свое же собственное определение, что самый богословский спиритуализм спиритов отдает сильным реализмом, а реализм не стоит *in statu* [Неподвижно — Лат.] и шлет проклятие всякой неподвижности. Бостонская дама, у которой в визитной комнате была получена душа умершего Иоанна Пирпоана, смешна, если вам угодно, или жалка, еще лучше; но совсем ли удобно смеяться над другою спириткою, девицею Суси Джонсон, которая объявила в Провидансе, что ей «надоели пустые слова и разглагольствия и что она готова трудиться со всяким мужчиною и со всякою женщиною, которые покажут первый

практический шаг к тому, чтобы поставить женщин в возможность положить основу для нравственности, для более строгой справедливости, для лучшего правления и, наконец, для выполнения высшей цели человеческой природы?»?

— Смейтесь над нею, но подумайте вперед, не будете ли вы смеяться uno, solo [Один, единственный — Итал.]?

— Не хотите ли лучше пожалеть об этой несчастной?

Но эта несчастная отбросит нам назад наши с вами сожаления. Она говорит: «Если есть одна душа в мире, которую хотят исключить из общества, то и я хочу быть исключена с нею. Если один человек идет в ад, то и я иду с ним, и если есть дело в этих низших областях, то и я иду туда, чтобы помогать вечному Отцу делать это дело». Как сожалеть такую особу, которая дает или, по крайней мере, вызывает дать столько сожаления другим? Она идет в ад, — добровольно идет в это ужасное, безрадостное и безутешное место, для того только, чтобы облегчить участь одного несчастливца, если только такой несчастли-

вещь будет, то есть если не только божеское милосердие, но божеская справедливость несут осуждение кого-нибудь на вечную муку. Это «если», конечно, и составляет главное условие храбрости, с которой благородная девушка вызывается идти в ад. По явным и несомненным для Суси Джонсон законам нового мышления, вечные мучения невозможны, ибо по системе этого нового мышления высшее правосудие должно оскорбиться одним предположением, что проступки, совершение которых занимало самое малое место во времени и пространстве, будут наказываемы вечною карою, не имеющею никаких пределов ни в пространстве, ни во времени. По новому мышлению спиритскому, вечный ад невозможен, и ад, как и рай, как и «царство небесное», внутри нас есть. Отсюда девица Суси Джонсон не может быть запугана адом, как особенным местом мучений; потому что она не допускает такого ада в силу невозможности, с спиритской точки зрения, допустить предположения немилосердия и несправедливости со стороны Отца.

Журнал Киевской духовной академии ос-

новательно заметил реализм в богословстве спиритов, но статья этого журнала о спиритизме едва скользнула над этим замечанием и не показала интереснейших приемов, которые употребляет спиритизм, доказывая какое-нибудь из своих положений. Здесь обыкновенно смешивается и богословие, и реализм, и правда нравственная, и правда юридическая, и любовь, и милосердие.

Возьмем для примера ту же самую выходку великодушной девушки Суси Джонсон, обрекающей себя на вечный труд при жизни и сопутствие осужденному в ад после смерти, и сопоставим это с резолюциями, какие получались в кружках с. — петербургских философствующих спиритов по делу известной солдатки Дарьи Соколовой, которую прокурор суда обвинял, а глас народа и поныне обвиняет в убийстве семейства майора Ашмаренкова в Гусевом переулке.

* * *

Поступок Суси Джонсон с тех пор, как стал известен в Европе, не забыт никем, кто о нем слышал. Одним слова ее казались верхом дерзости, другим верхом великодушия и благо-

родства, третьим крайним легкомыслием экзальтированной энтузиастки; но не забывал этих слов никто. Почему-то они пришились очень памятно.

— Она очевидно не верит, что будет вечный ад, — говорили.

— Да, — отвечали за нее сторонники спириты, — она в это не верит.

— Но почему?

— Потому что вечный ад есть вечная несправедливость, а вечный Отец милостив и правосуден.

— Но он и строг.

— Но он и правосуден. Будете ли вы бичевать вашего сына всю его жизнь за то, что он, будучи взят вами в его детстве в гости в дом вашего приятеля и, раззlobясь, свалил с тумбы мраморные часы и искалечил ими подвернувшееся любимое дитя хозяина?

— Я накажу его.

— В течение какого времени вы будете его наказывать?

— В течение какого времени? Как вы это странно спрашиваете!

— Ну, однако: будете ли вы его наказы-

вать, например, в течение десяти лет?

— Ну, еще что!.. Десяти лет!

— Ну, в течение года?

— Ну, и в течение года тоже очень странно!

— Ну, в течение месяца?

— Да что там месяца, — наказал бы просто, да и все тут.

— То есть наказали бы одновременно?

— Ну да... конечно... но строго.

— Но одновременно?

— Да, одновременно.

— Почему же это так?

— Что такое: почему это так?

— Почему одновременно? Почему вы его не наказывали бы в течение месяца, года или десяти лет?

— Как почему?

— Так просто: почему?

— Потому что это было бы несправедливо.

— Несправедливо!

— Да, несправедливо... По крайней мере, с моей точки зрения, несправедливо.

— И с моей несправедливо, — отвечает спирт, — но тогда позвольте же вас спро-

сильно, как же, «если мы зли суще», гнушаемся только долгим наказанием и считаем его несправедливым, то как же мы наглы и низки, допуская, что вечный Отец наш не возмущается еще большею несправедливостью кары вечной за быстротечную злобу?

— Да, но вы, кажется, говорите ересь.

— Не знаю, как вам это угодно будет называть, — отвечает спирит.

— И потом... вы это смешали с таким будничным вопросом... мое дитя... в гостях... калечит хозяйского сына...

— Но разве чрез сравнение своих чувств к вашему ребенку вам не удобно подходить к постижению отеческих чувств вашего вечного Отца?

— Положим, но...

— Или вы, как материалист, находите, что ваше назначение только пожить на земле?

— Если я вам отвечу да?

— Мне останется пожалеть о том, что вы во многое еще не вникали.

— А если я отвечу нет?

— То я спрошу вас, разве вы не в гостях на земле?

— В известном смысле, разумеется... вы правы.

— В каком же смысле не прав я? Не в том ли, что за неумение дитяти вести себя в гостях Отец не признает справедливым наказывать его в доме своем вечно?

— Н... нет... конечно, не в этом.

— Ну, так мы согласны, — отвечает спирит, и он не ошибается: он уже сделал много для соглашения с собою своего диспутанта.

* * *

Избивает Дарья Соколова семейство Ашмаренкова (или, пускай, только все так уверены, что она его избивала). Преступление кровавое, страшное и жестокосерднейшее. Прежде чем некоторыми особенностями производства суда по этому делу присяжные произнесли этой женщине оправдательный приговор в убийстве, положим, что был высокопоставленный человек, споривший в одной спиритской беседе о словах Суси Джонсон, — теперь он снова является и говорит:

— Вот вам и пример: неужто и эту Дарью Соколову несправедливо будет карать вечно?

— Несправедливо, — отвечают ему спири-

ты.

— Всегдашняя каторга на земле и ад за гробом ею вполне заслужены, — говорит спокойно высокопоставленный человек.

— Но разве каторга способствует смягчению и совершенствованию ожесточенного и низкого духа?

— Нет; но она его смиряет.

— Это не может быть заботою высшего правосудия, и потом здесь слово всегда употребляется условно и само за себя не отвечает.

— Это как?

— Если Дарье Соколовой теперь тридцать пять лет, то никакой земной суд, не желая себя компрометировать, не может ее осудить на более, как на сорок пять лет работы.

— Кто же это стеснил земное правосудие таким ограничением?

— Вечный Отец, который положил человеку жить «семьдесят лет, а еще же в силах восемьдесят лет, а что более того, то труд и болезнь». Когда ей исполнится восемьдесят лет, земное правосудие должно будет освободить ее, потому что жизнь ее обратится в «бо-

лезнь».

— Да; но идея... идея правосудия...

— Оставьте ее в покое. Предположите себе невозможное или, если вы верите во всемогущество Сотворившего небо и землю, то даже и возможное. Предположите, что смерть получает на время запрещение «резать Божию ниву» на земле, и все мы, ныне живущие, живем и живем, и счет летам своим позабыли, а все живем.

— Ну, и что же?

— А зауряд со всеми нами живет в каторге осужденная оставаться там навсегда и Дарья Соколова, и силы ее крепки, и лета ее не скудеют. Прошло, положим, двести лет, и вас спросят: не довольно ли с Дарьи Соколовой? Не отмучилась ли она вдоволь в двести лет за убийство Ашмаренкова? Что вы скажете?..

— Гм... да... ну...

— Позвольте: я вижу, что отпустил невеликую порцию этой Дарье, и это вас затрудняет. Ну, я предложу вам тот же вопрос, когда вы уже прожили век Мафусаила, и Дарья Соколова пробилась в каторге девятьсот шестьдесят девять лет: прикажете ли еще держать ее или

скажете: «довольно»? Подвергните вопрос этот обсуждению правдивейшего судилища, и оно, конечно, придет в ужас, как так долго могло длиться наказание за преступление, о котором уже исчезло самое слабейшее воспоминание десять сот лет назад. Будете ли вы, требующий вечной кары Дарье Соколовой, против этого последнего суда?

— Конечно, нет!

— И мы с вами снова согласны! Но тогда только вот затруднение: как же вы хотите, чтобы Дарья мучилась веки веков, без всякого их исчисления, и признаете это справедливым?

— Разве я это сказал?

— Хуже, — вы сказали, что есть кто-то достойный вечного ада и что, следовательно, есть тот, кто устроил этот вечный ад...

Хорошо поставленный человек долго вертел свою золотую табакерку, минутами улыбался и ушел, тепло и дружески пожав руки компании.

* * *

Недавно прошедшею зимою этот хорошо поставленный человек (мы говорим так, как

бы он был) снова посетил спиритский кружок, но уже не один, а в сопровождении молодого человека, члена одного мусульманского посольства.

— Вот, — сказал он хозяину дома, известному спириту, — вот этот молодой человек, с которым мне часто доводилось на даче беседовать о вашем учении, необыкновенно заинтересован спиритизмом и неотступно просил меня дать ему случай ближе познакомиться с этим учением. Я спрашивал вашего позволения привезти его, и вот с вашего согласия и привез.

Мусульманин с восточною пламенностью впился в смысл речей, в которых ему излагались спиритские верования и убеждения, и чем долее слушал, тем все решительнее приходил в больший восторг и смущение. Это было замечено, и мусульманин тут же откровенно сознался, что его пленяет спиритизм до того, что он «бросился бы в эту веру, но что его совесть и опасение огорчить старика отца стесняют его решимость оставить свою старую веру» (то есть мохамеданство).

Но перед чем остановился бы всякий цер-

ковный проповедник, перед тем спирит не встречает даже малейших затруднений. Мусульманину объяснили, что спиритизм не хочет вытеснять никаких старых вер, что «в одной и той же гостинной у всякого гостя свои манеры, и против тех из этих манер, которые не посягают на общее спокойствие всех гостей, новое мышление воспрещает всякое раздражение. Спиритски верить и мыслить можно, оставаясь в своей гостинной с теми манерами, с какими в нее введен», то есть можно оставаться измаильтянином, иудеем, эллином и самарянином, и в то же время быть по мысли и по вере спиритом.

— О! — воскликнул энтузиаст-мусульманин, — теперь я верю, что есть вера, в которой соединятся народы! — И он сам с тех пор неисправимый спирит.

Что же может сделать стеснение свободы совести против людей, которые так оригинально поставили у себя вопрос о свободе?..

* * *

Так не «стологадания» и не одного смеха достойные медиумские шарлатанства, а вот какие деяния происходят в большей и наи-

лучшей части современного нам спиритизма! Когда в Петербурге и во многих местах России свирепствовал страшный умственный недуг, названный нигилизмом, нередко случалось видеть мужчин и дам, которые, беседуя с отчаяннейшим нигилистом, восклицали: «Да где эти нигилисты? Скажите, пожалуйста: в книгах читаешь: „Нигилисты, нигилисты“, а хоть бы тебе одного пришлось увидеть в жизни!» То же самое нынче идет со спиритами. Дети обыкновенно думают, что разбойник непременно должен быть в плаще и широкополой шляпе с страусовыми перьями, и без плаща и без перьев им разбойник уже не в разбойника. Век детства у большинства людей часто не проходит до смерти, и как они в детстве высматривали разбойника в перьях, так потом выглядывают нигилиста только в растрепанном нечесе, а спирита хотят видеть тоже каким-то декорированным и необщежительным. Им все мерещутся «отлички, мундиры, выпушки, петлички», и они все накидываются на нечес или в новом случае на стологадателей, вовсе не замечая истого нигилизма если не в сынах света, то в людях света, а

еще тем менее узнавая всюду расползающихся спиритов, которые строят богадельни, подбирают брошенных детей, заводят христианские школы и сами заботятся о преподавании в них закона Божия, ведут дружбу с духовенством и иерархами церкви, строят храмы и распинаются за православие на юге и северо-западе России; дают тон и направление многим делам и целым отраслям управления и везде и повсеместно пристяжают новых и новых прозелитов, верующих в независимую нравственность, в гостиную роль нашу на земле, в бесконечный путь наш до полного усовершенствования во множественном существовании, в необходимость неустанных забот об этом совершенстве и в законность полнейшей терпимости к манерам (обрядам) всех гостей, сведенных с нами на короткое время земной жизни в общую гостиную.

Учение это идет и, действительно, что день — увлекает более и более прозелитов, что и весьма понятно при повсеместно во всем мире господствующем стремлении к возвышению и освобождению личности человека от всего, что кажется для него ма-

ло-мальски несправедливым и стеснительным.

«Кризис» этот, угрожающий, по словам о. Морошкина, «большими опасностями христианской церкви», начался очень давно и усиливается, по нашему мнению, и ходом благоприятствующих ему событий, и малодействием или, лучше сказать, бездействием врачей. Враги церкви, как было когда-то сказано в «Православном обозрении», всё изощряются и подходят к ней с разных сторон и в разных одеждах, но рядом с тем церковь, непогрешимая во вселенской правде своей, но обреченная силою внешних обстоятельств на унижавшее ее бездействие, у нас в России благим законом 26 мая призвана к жизни, которая должна дать в ней драгоценнейшие плоды. Церковь в прежнем состоянии ее служителей, — состоянии тягостном и зависимом, — решала, что «критическое отношение к Священному Писанию не противно духу этого писания», а теперь служители церкви, восстановленные законом Императора Александра II в праве своем и законной независимости, должны воспользоваться разрешени-

ем им критических отношений к писанию и в христианском духе церкви, а не в вопияниях к власти о стеснении свободы совести найти средства к отражению всех нападков на церковное вероучение и всех хитрых и нехитрых под нее подходов. Гизо в своей книге «Христианство и нравственность», касаясь в одном месте вопроса о нравственности, говорит: «Я избегаю здесь всех тех, по моему мнению, худо поставленных и худо решенных вопросов, которые подняты были богословием по этому случаю». Подобно Гизо, и многие люди, преданные церкви, давно видели подобные вопросы, «худо поставленные и худо решенные богословием», они или обходили их, или, претыкаясь о них, попадали в сети учений то низменных и злобных, то хотя и мягких и небезнравственных, но тем не менее чуждых благодатному духу учения христианского. В освобождении поля христианских суждений от тех камней преткновения, которые считает нужным обойти Гизо и о которые беспрестанно претыкаются люди, ищущие правды и не умеющие в духе писаний отличать условное и временное от неизменя-

мого и безусловного, нам кажется, служители церкви должны увидеть первую свою обязанность, к исполнению которой им и следует устремить все свои силы. Это должно быть сделано скоро, ибо время не ждет, враги не терпят, и окрест слышно ржание коней их и стук молотов их в кузнях о щиты их и копья, а наше оружие долго лежало, на нем есть ржа. Пора снять ее, благо законом Монарха снято коснение, в коем сносила недолю свою наша церковь. А рядом с сим и, может быть, наипаче всего, слугам церкви, по выражению отца Морошкина, предстоит подвижничество: им нужно препоясывать чресла свои и брать в руки посох и творить дело Божие, — дело добра, правды, милосердия и истины, дабы никто не называл служителя Христовой веры столбом, который сам не может идти по дороге, которую показывает.

Опасные враги церкви при дружественном сопротивлении, оказываемом им со стороны Христовой рати мудрым словом и добрым примером, могут быть побеждены легко. В слове Христовом гораздо более достигающего к сердцу человеческого, чем во всех теори-

ях, не исключая той спиритской школы, по поводу которой мы разговорились. «Почти все философы и моралисты суть или строгие цензоры, или холодные наблюдатели, или льстецы природы человеческой, а И<исус> Христос и знает человеческую природу, и имеет в виду свободу человека (говорит Гизо). Его взгляд и чувствования по отношению к человеку серьезны, глубоки и действительны! Он ни восхваляет природы человека, ни относится к ней безучастно. Он признает ее в одно и то же время исполненной зла и добра, способною в одно и то же время возмущаться против закона нравственного и повиноваться ему; Он видит в человеке прирожденную заразу — источник порчи и гибели души, но Он не признает зла неисцелимым; Он смотрит на человека в одно и то же время с чувствами строгим и нежным. И<исус> Христос без всякого покрова представляет грех и без всякого опасения жертвует Собою для спасения грешника». Все это доступно человеческому сердцу ближе всяких теорий, хотя бы самых гуманных, и космополитическая любовь по долгу и нравственность независимая никогда

не заставят человека забыть любовь и нравственность по закону, написанному в нас перстом, указавшим нам помимо воли нашей любить родителей, жен, детей наших и страну нашего рождения более, чем многое вполне достойное любви, но более нам чуждое и безучастное. И<исус> Христос вполне знает природу человеческую и удовлетворяет ей всецело; Он берет во внимание ее обязанности и потребности, ее слабости и ее заслуги. Он не позволяет покрывать покровом безразъяснения грубые сцены жизни и печальное зрелище мира; Он имеет в виду для человека надежды и удовлетворения высшие его испытаний и его ошибок. Все это, конечно, гораздо чутче и жизненнее всяких теорий, и, став под знаменем такого Руководителя, нельзя, стучась в дверь, сомневаться, что она отвернется. Без вражды и нападок не написала своей истории ни одна церковь. Враги восставали из недр самой церкви. Во всех церквях и во всех веках находились люди, которые, будучи не в состоянии принимать на веру традиционных догматов, ни разрешить их, не выходя из области церковности, старались

посредством тысячи способов навести или подвести эти догматы под философскую истину и обратить откровенную религию в естественную. Но все эти попытки оказались напрасными. Вероятно, не иное что воспоследует и из нынешних подкопов под церковь, но время действительно для дел веры беспокойное, и если лица, обязанные охранять вверенный им светоч веры понерадят о нем и вздремлют... то рыщущие окрест, разумеется, не поленятся приблизиться к нему еще на стадию и дунут на него ближе, не с тем, конечно, чтобы он затеплился ярче.